ЗАКОН И ПРАВО

THE LAW AND THE RIGHT

УДК 343.222(470+510)-047.44

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2018-1-2/117-130

А.А. Ширшов¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: brahma@bk.ru

НОВОЕ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРЕДЕЛОВ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ПРОГРЕСС ИЛИ РЕГРЕСС

Аннотация. Настоящая работа посвящена критическому анализу положений российского уголовного и трудового законодательства, которые установили общее и безусловное ограничение права заниматься трудовой деятельностью в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних, лиц, не только имеющих судимость, но и лиц, чья судимость была снята или погашена. Автор анализирует законоположения, устанавливающие ограничения для указанных лиц, анализирует причины, по которым положения трудового законодательства нарушают базовые принципы уголовного закона, рассматривает Постановление Конституционного суда Российской Федерации по этому вопросу.

Автор ставит под сомнение тенденции изменения российского законодательства в части введения не ограниченных во времени пределов уголовной ответственности и приводит в качестве примера нормы китайского уголовного законодательства, демонстрирующие иной, прямо противоположенный подход.

Ключевые слова: Россия, Китай, уголовный кодекс, пределы уголовной ответственности, пожизненное ограничение трудовых прав, судимость, уголовная политика.

---

¹ Алексей Александрович Ширшов, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Ширшов А.А. Новое в определении пределов уголовной ответственности: прогресс или регресс // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2018. № 1–2. С. 117–130.

Alexey A. Shirshov¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: brahma@bk.ru

THE NEW IN THE DEFINITION OF THE CRIMINAL LIABILITY LIMITS: PROGRESS OR REGRESS

Abstract. The present paper conducts a critical analysis of new regulations in the Russian criminal and labour law that stipulate permanent and unconditional restrictions of labour rights in education, childcare, child development, medicare, recreation of children, social work and services, sports and culture not only for people with criminal convictions but also for those whose criminal records were canceled or expired.

The author discloses the contents of legislature that provides restrictions, analyzes the cause of violations of basic principle of the criminal law by the new statements of labour law, reviews the ruling of the Constitutional Court of Russian Federation that contains verification of the constitutionality of questionable legal provisions.

Moreover, the author calls into question the trends in the changing Russian legislation that introduce unlimited-in-time crime responsibility. The author is convinced that so far there have been no objective needs to spread the limitations for the persons, whose criminal records were annulled, and provides examples from the Criminal Code of China which demonstrate a different, completely opposite approach towards this questionable problem.

Key words: Russia, China, criminal code, permanent limitation of labor rights, unlimited crime responsibility, criminal records, criminal policy.

Достаточно долгое время доктрина отечественного уголовного права считала вопрос о конечном моменте действия уголовной ответственности фактически разрешённым.

Не вдаваясь в дискуссию относительно определения понятия уголовной ответственности, отметим, что наиболее тесную связь между ответственностью и судимостью отражает статутный подход к пониманию ответственности в уголовном праве.

Так, В. П. Божьев и Е. А. Фролов определяли уголовную ответственность как «то сопряжённое с государственным осуждением ущемление правового статуса гражданина, которому он по закону подлежит в связи с совершением им преступле-

---

¹ Alexey A. Shirshov, Candidate of sciences, Criminal Law and Criminology Department of Law school, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Shirshov Alexey. A. The new in the definition of the criminal liability limits: progress or regress // ASIA-PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2018. N 1–2. P. 117–130.

ния. В содержание уголовной ответственности входят поэтому следующие элементы: официальное, от имени государства, порицание личности виновного в преступлении и его деяния; наказание, т. е. причинение ему указанного в санкции закона личного или имущественного ущерба; судимость как особое правовое состояние, ограничивающее права и налагающее дополнительные обязанности на субъекта ответственности» [1, с. 89].

И действительно, в отечественном уголовном законодательстве судимость, уже после отбытия наказания (в том случае, если наказание лицу было назначено), долгое время выступала единственным основанием для ограничения правового статуса лица, совершившего преступление и отбывшего наказание.

При этом момент окончания уголовной ответственности большинство учёных связывали с погашением или снятием судимости. «Если возложение на лицо уголовной ответственности сопровождалось назначением наказания, после отбытия которого осужденный считается судимым, – отмечал В. С. Прохоров, – то следует признать, что снятие или погашение судимости и является конечным моментом уголовно-правового отношения, так как именно до этого момента лицо продолжает нести бремя ответственности за совершенное им преступление. Уголовная ответственность ... порочит осужденного в глазах общества. Состояние опороченности существует до тех пор, пока не будет снята или погашена судимость. Карающее воздействие уголовной ответственности очевидно: сам факт признания виновным в совершении преступления подчас влечет для осужденного даже большие страдания и социальные потери, чем применяемое к нему наказание» [5, с. 99].

«Определив, что уголовная ответственность начинает реализовываться с момента признания лица преступником по конкретно совершённом преступлении, – указывал Б. Т. Разгильдиев, – нетрудно установить время, когда уголовная ответственность себя исчерпает. Это время, по истечении которого лицо перестаёт от имени государства признаваться преступником. А оно наступает с момента погашения или снятия судимости» [8, с. 292].

«После отбытия наказания, – отмечали М. П. Карпушин и В. И. Курляндский, – уголовно-правовое отношение может существовать в виде судимости лица до момента её погашения или снятия» [3, с. 31].

Действительно, в ранее действовавшем уголовном законодательстве такая позиция имела весьма надёжный фундамент. Достаточно сказать, что с 1966 по 1993 г. в УК 1960 г. находилась норма о злостном нарушении правил административного надзора, каравшая лиц, имеющих судимость, за нарушения ограничений свободы передвижения, налагавшихся на них административными органами. Непосредственно с судимостью были связаны и многочисленные ограничения, вытекающие из норм государственного, административного, трудового, гражданского, семейного и других отраслей права [9, с. 63–74].

Уже после принятия Уголовного Кодекса России 1996 г. в специальной литературе была высказана точка зрения, в соответствии с которой судимость перестала считаться проявлением уголовной ответственности. Сторонники этой точки зрения свою позицию аргументировали тем, что судимость в силу ч. 1 ст. 86 УК учитывается только при рецидиве и при назначении наказания, а значит, она по закону не может выступать в качестве средства лишения или ограничения прав или свобод лиц, отбывших наказание, но имеющих непогашенную или неснятую судимость. Следовательно, не входя в противоречие с уголовным законом, её нельзя считать «ни несением бремени ответственности» либо продолжением наказания, ни уголовной ответственностью в форме наказания. Никаких ограничений в реализации прав и свобод человека и гражданина в связи с судимостью не зафиксировано и в Конституции, нормативных актах других отраслей права. Отсюда следует, что наличие судимости в целом не ухудшает правового статуса лиц, отбывших наказание» [4, с. 78].

По большому счёту, приведённая выше точка зрения имела право на существование исходя из буквального толкования действовавшей на тот момент (до 29.06.2015 г.) редакции статьи 86 Уголовного кодекса России, однако она вступала в противоречие с иным, не уголовным, законодательством.

Так, целый ряд нормативных актов ограничивал (и ограничивает ныне) права лиц, имеющих судимость. К ним следует отнести нормы ст. 8 Федерального закона «Об инвестиционных фондах», ст. 17 Федерального закона «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», ст. 10.1 Закона «О рынке ценных бумаг, ст. 8 ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации», ст. 9 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», ст. 13 ФЗ «Об оружии» и др.

Анализ вышеуказанных нормативных актов с уверенностью позволяет сделать вывод о том, что лишь снятие или погашение судимости могло служить моментом окончания уголовной ответственности, поскольку снятие или погашение судимости связывалось со снятием всех ограничений правового статуса лица, имевшего судимость.

Подобный вывод согласовывался и с позицией Конституционного Суда РФ, который отмечал, что судимость представляет собой правовое состояние лица, обусловленное фактом осуждения и назначения ему по приговору суда наказания за совершённое преступление и влекущее при повторном совершении этим лицом преступления установленные уголовным законодательством правовые последствия; имеющаяся у лица непогашенная или неснятая судимость порождает особые, складывающиеся на основе уголовно-правового регулирования публично-правовые отношения его с государством, которые при совершении этим лицом новых преступлений служат основанием для оценки его личности и совершенных им преступлений как обладающих повышенной общественной опасностью и потому предполагают применение к нему более строгих мер уголовной ответственности [6].

Однако подход к пониманию как сущности судимости, так и тех ограничений правового статуса, с которыми судимость связана, эволюционировал по мере многочисленных реформ российского законодательства. Изменения законоположений вывели вопрос о судимости и, соответственно, о пределах уголовной ответственности далеко за рамки действия уголовного права. При этом концептуальный подход к пониманию юридической природы судимости, который был выработан Конституционным судом, перестал отвечать потребностям правоприменения.

Традиционный критерий, позволяющий оценить эффективность уголовно-правовых мер и эффективность уголовного наказания, принятый во всем мире, – рецидивоопасность лиц, отбывших наказание. С точки зрения уголовного права юридические последствия судимости ограничиваются институтом рецидива. Истечение определённого временного периода без совершения преступлений после отбытия наказания должно свидетельствовать об окончательной утрате лицом общественной опасности, о достижении целей наказания и о высокой степени вероятности изменения антисоциальной (асоциальной) установки лица, совершившего преступление. При этом другие отрасли права могли также учитывать общественную опасность личности, имеющей судимость, устанавливая соответствующие ограничения.

Однако именно уголовное право достаточно определённо даёт отрицательный ответ на вопрос о том, можно ли считать преступником лицо после отбытия им наказания и погашения (снятия) судимости и презюмирует, что личность лица, судимость которого была снята или погашена, не отличается признаками повышенной общественной опасности по сравнению с остальными.

Эта достаточно последовательная и логичная система оказалась разрушена тогда, когда другие отрасли права стали устанавливать ограничения не только для лиц, имеющих судимость, но и производить оценку степени общественной опасности для тех лиц, судимость которых была снята или погашена, по сути вторгаясь в ту сферу, которая традиционно считалась предметом регулирования права уголовного. Именно поэтому в отечественном законодательстве появился иной подход к решению проблемы правоограничений для таких лиц, отступающий от универсальных уголовно-правовых принципов, на основе которых происходила оценка общественной опасности.

Вопрос о правовых ограничениях для лиц, имеющих снятую или погашенную судимость, не привлекал внимание исследователей достаточно продолжительное время, поскольку подобные ограничения для российского законодательства были скорее исключением из общего правила. Например, ст. 19 Закона РФ «О милиции» прямо указывала, что не могут быть приняты на службу в милицию граждане, имеющие либо имевшие судимость. Подобным же образом решался и вопрос со службой в органах государственной безопасности.

Заметим, что названные законоположения перенесены и в действующее законодательство, например, в статью 14 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Интерес к вопросу правоограничений для лиц, судимость у которых была снята или погашена, стал возникать у исследователей тогда, когда Федеральным законом от 23.12.2010 № 387-ФЗ в Трудовой кодекс РФ были внесены изменения, установившие ограничения на занятие трудовой деятельностью в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних не только для лиц, имеющих непогашенную или не снятую судимость, но и для лиц, имевших когда-либо судимость, подвергавшихся или подвергавшихся уголовному преследованию (за исключением лиц, уголовное преследование в отношении которых прекращено по реабилитирующим основаниям) за преступления против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности (за исключением незаконного помещения в психиатрический стационар, клеветы и оскорбления), половой неприкосновенности и половой свободы личности, против семьи и несовершеннолетних, здоровья населения и общественной нравственности, а также против общественной безопасности.

Подчеркнём, что ранее подобные ограничения действовали лишь в отношении лиц, имевших неснятую или непогашенную судимость. Действовавшая на момент внесения изменений в трудовое законодательство редакция части 6 статьи 86 Уголовного кодекса РФ устанавливала, что погашение или снятие судимости аннулирует все правовые последствия, связанные с судимостью.

Поскольку возникшие противоречия требовали разрешения как минимум на уровне легального толкования правовых норм, правоприменительная практика оказалась не готовой выработать строгие и чёткие критерии, которые позволили бы обосновать новые правила применения трудового законодательства в отношении лиц, имевших снятую или погашенную судимость, или лиц, в отношении которых уголовные дела были прекращены по нереабилитирующим обстоятельствам. Новый закон затронул права и интересы значительного количества лиц, и в Конституционный Суд Российской Федерации стали поступать жалобы граждан на неконституционность вновь принятых норм.

2013 год ознаменовался принятием одного из самых неоднозначных и противоречивых, на взгляд автора, постановлений Конституционного Суда – Постановления по делу о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351-1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.К. Барабаш, А.Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы № 19-П от 18 июля 2013 г. [10].

С одной стороны, Конституционный Суд признал оправданным наличие законодательных мер, имеющих целью обеспечение безопасности каждого ребенка как непосредственно от преступных посягательств, так и от неблагоприятного воздействия на его нравственность и психику, которое может существенным образом повлиять на развитие его личности, *даже не будучи выраженным в конкретных противоправных деяниях* (курсив мой. –А.Ш.).

С другой стороны, Конституционный Суд посчитал, что, устанавливая особые правила допуска к профессиональной деятельности и ограничивая тем самым право граждан на свободное распоряжение своими способностями к труду, федеральный законодатель обязан находить баланс конституционно защищаемых ценностей, публичных и частных интересов, соблюдать принципы справедливости, равенства и соразмерности, которые выступают в качестве конституционных критериев оценки законодательного регулирования прав и свобод, используя при этом не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные конституционно одобряемыми целями меры; при этом ограничения прав и свобод во всяком случае не должны посягать на само существо права и приводить к утрате его основного содержания.

Конституционный Суд указал, что ограничения права на выбор рода деятельности и профессии для лиц, чья виновность в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, а преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности – независимо от степени их тяжести – установлена вступившим в законную силу приговором суда (даже если впоследствии судимость снята или погашена), не могут рассматриваться как нарушающие конституционный принцип соразмерности.

Мотивирована эта позиция была тем, что на современном этапе развития общества невозможно гарантировать надлежащее исправление лица, совершившего преступление, таким образом, чтобы исключить возможность рецидива преступлений. Конституционный Суд счёл, что сам факт совершения преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности в силу особенностей объекта посягательства, тяжести последствий таких преступлений свидетельствует об опасности, которую эти лица могут представлять для жизни, здоровья и нравственности несовершеннолетних.

Таким образом, Конституционный Суд признал соответствующим Конституции РФ общее и безусловное ограничение права на занятие указанными видами деятельности для лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, а также преступления против половой свободы и половой неприкосновенности.

Полагаем, что такой подход нельзя признать полностью безупречным исходя из нижеследующих соображений.

Во-первых, общий и безусловный запрет не отвечает принципам дифференциации ответственности и индивидуализации наказания, которые выступают базовы-

ми для уголовно-правового регулирования. Действительно, закон не может учесть всех нюансов, связанных с обстоятельствами совершённого преступления, мотивами преступного поведения, особенностями личности преступника *et cetera*. Для компенсации подобного несовершенства законодательства и существует судебное усмотрение, границы которого, кстати говоря, за последние годы законодателем были существенным образом расширены.

Во-вторых, действующее уголовное законодательство содержит средства, позволяющие достичь баланса конституционно защищаемых ценностей, публичных и частных интересов, не прибегая к крайностям. Так, часть вторая ст. 47 Уголовного кодекса РФ предусматривает, что в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью устанавливается на срок до двадцати лет в качестве дополнительного вида наказания. К этим случаям законодатель относит, в частности, совершение лицом отдельных преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности. Очевидно, что наличие у суда возможности запретить лицу заниматься трудовой деятельностью в сфере образования, воспитания на столь длительный срок как раз и может гарантировать баланс публичных и частных интересов.

В-третьих, сроки погашения судимости в случае совершения лицом тяжкого или особо тяжкого преступления составляют соответственно 8 и 10 лет. Само по себе истечение указанных немалых сроков, с точки зрения законодателя, свидетельствует об отпадении рецидивоопасности лица, то есть выступает определенной гарантией его исправления. Чем руководствовался законодатель и какие аргументы против констатации исправления лица после истечения сроков погашения судимости использовал Конституционный Суд, осталось неясным.

Наконец, часть 6 статьи 86 УК РФ в редакции, действовавшей на момент вынесения Постановления Конституционным Судом, устанавливала, что погашение или снятие судимости аннулировало **все** правовые последствия, связанные с судимостью. Однако на возникшее явное противоречие должного внимания Конституционный Суд не обратил.

Что же получилось в итоге?

С одной стороны, законодатель учёл позицию Конституционного Суда и решил вопрос о введении механизмов, позволяющих лицам, имевшим судимость за совершение предусмотренных ст. 351.1 ТК преступлений небольшой либо средней степени тяжести, получить доступ к занятию трудовой деятельностью в сфере образования, воспитания.

С другой стороны, абсолютный и полный запрет на занятие указанными видами деятельности для лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, а

также преступления против половой свободы и половой неприкосновенности, получил подтверждение своего соответствия Конституции.

С точки зрения теории уголовного права это означает лишь одно – поскольку ограничения статуса лица, совершившего тяжкие и особо тяжкие преступления, а также преступления против половой свободы и половой неприкосновенности, действуют бессрочно, также бессрочно для таких лиц будет существовать и уголовная ответственность, которая связана с ограничением правового статуса осужденного и не будет связана с погашением или снятием судимости. При этом аргументы в пользу того, что названные ограничения не входят в содержание уголовной ответственности, противоречат её сущности и юридической природе как инструмента, ограничивающего правовой статус лица, совершившего преступление.

На взгляд автора, подобные бессрочные ограничения, безусловно, излишни и приведут лишь к очередному витку стигматизации лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления: если мы относимся к человеку как к преступнику, он, скорее всего, и станет таковым. Эту особенность хорошо описал в одной из своих ранних работ по проблеме преступности Фрэнк Танненбаум: «Нет ничего более вредного из того, что придумало наше общество в его борьбе с преступностью, чем этот подход. Пользуясь им, оно заявляет о «состоявшейся карьере» преступника столь громко и в столь драматическом тоне, что и он, и всё общество воспринимают это заявление как окончательную характеристику. Человек действительно чувствует себя преступником, а общество к тому же ждёт от него оправдания этой репутации, и оно не похвалит его, если он не сумеет этого сделать» [12, с. 28–29].

Кроме того, очень серьёзные сомнения вызывает решение законодателя и позиция Конституционного Суда в отношении названных выше ограничений для лиц, уголовные дела в отношении которых были прекращены по нереабилитирующим основаниям. Уголовный закон связывает возможность прекращения уголовного преследования, в частности, учитывая невысокую общественную опасность как самого деяния, так и лица, его совершившего.

Особый интерес в связи со сказанным представляет собой анализ тенденций развития уголовного законодательства Китайской Народной Республики.

В УК КНР фактически нет нормы, которая бы устанавливала правовые последствия судимости. Статья 100 УК КНР предусматривает обязанность для лица, отбывшего уголовное наказание, при поступлении на работу, военную службу, не утаивая, правдиво сообщить в соответствующие органы, что оно отбыло уголовное наказание. Однако фактически институт судимости в КНР существует.

В 2001 г. председатель Научно-исследовательского центра российского права профессор Хуан Даосю в ходе открытой лекции обратила внимание на то, что в российском уголовном праве существует очень много положительных моментов, которым китайцы должны учиться. Хуан Даосю сказала: «В российском Уголовном

кодексе есть понятие «судимость», предусмотрено, сколько лет после наказания погашается судимость и когда она может быть снята. У нас в Китае нет понятия судимости, но фактически она существует. Более того – она пожизненная, а это несправедливо. В Китае с большим интересом наблюдают за развитием законодательства России: сегодня важнейшим принципом российского права является гуманизм, что свидетельствует о зрелости и о высоком развитии общества» [2].

Очевидно, что к идеям профессора Даосю прислушался китайский законодатель.

В 2009 г., по сообщениям агентства Синьхуа, несовершеннолетние города Лэлин, освобождённые от отбывания наказания, получили извещения правоохранительных органов, которые свидетельствовали о погашении их судимости. Это означало, что при трудоустройстве на работу они не будут обязаны сообщать о своем «тёмном» прошлом. Народный суд и 10 других заинтересованных ведомств совместно обнародовали документ, подтверждающий введение в практику «погашения судимости» для бывших несовершеннолетних заключенных. В соответствии с новыми правилами, судимость автоматически погашается в отношении несовершеннолетних, приговорённых за преступления к лишению свободы на срок до трёх лет сразу после отбытия наказания, а в отношении лиц, получивших 3–5, 5–10 и более 10 лет, судимость погашается в установленном порядке по истечении одного, трёх и шести лет соответственно после отбытия наказания при отсутствии случаев повторного совершения правонарушений.

Кроме того Верховный народный суд КНР в марте 2009 г. опубликовал Основные положения реформы народных судов на 3-е пятилетие, в которых содержалась идея создания системы погашения судимости несовершеннолетних, совершивших незначительные преступления, после отбытия наказания [11].

Очевидно, что указанные выше изменения в правовое регулирование института судимости в КНР – лишь первый шаг на долгом пути совершенствования китайского уголовного законодательства в сторону его гуманизации.

В контексте сказанного, нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что Конституционный Суд РФ обошёл молчанием вопрос о лицах, совершивших, будучи несовершеннолетними, преступления, выступающие основанием полного запрета на занятие отдельными видами профессиональной деятельности. Между тем уголовная ответственность несовершеннолетних и правовые последствия судимости для несовершеннолетних всегда выступала самостоятельным предметом уголовно-правового регулирования. Так, часть 4 статьи 18 УК РФ устанавливает, что при признании рецидива преступлений не учитываются судимости за преступления, совершённые лицом в возрасте до восемнадцати лет. Однако никаких изъятий относительно судимости, полученной лицом в возрасте до восемнадцати лет, правила статей 331 и 351.1 Трудового кодекса не содержат.

По глубокому убеждению автора, установление ограничений в виде полного запрета на занятие отдельными видами профессиональной деятельности для лиц, привлекавшихся за совершение тяжких и особо тяжких преступлений в несовершеннолетнем возрасте, а также лиц, в отношении которых уголовное преследование было прекращено, пусть и по нереабилитирующим основаниям, сомнительно и противоречит общепризнанным принципам правового регулирования. Кроме того, вызывает сомнение сама концепция возможности полного и постоянного ограничения прав лиц, судимость которых снята и погашена. Думается, что профессор Даосю несколько переоценила зрелость и высокий уровень развития российского законодательства.

Напомню, что до 2014 г. наличие судимости не выступало препятствием для избрания судимого лица в Государственную думу Федерального Собрания Российской Федерации. В настоящий момент закон устанавливает сроки, после истечения которых лицо со снятой или погашенной судимостью будет вправе быть избранным как в Государственную Думу, так и на пост Президента Российской Федерации. Бессрочный запрет в этой сфере для лиц, имевших судимость, отсутствует. При этом Конституционный Суд по этому вопросу занял принципиально иную позицию, посчитав что соразмерность ограничений пассивного избирательного права предполагает не одно только исключение бессрочности запрета на его реализацию, и указал, что при наличии определённого, достаточно продолжительного срока ограничения данного права соразмерность должна обеспечиваться не за счёт одного лишь его законодательного распространения на категории тяжких и особо тяжких преступлений, но и посредством индивидуализации назначаемого судом наказания, соответствующего характеру и степени общественной опасности преступления, относящегося к указанным категориям [7]. Нам же остается только предполагать, с чем связана такая двойственность подхода к решению вопроса о правоограничениях для лиц, имеющих снятую или погашенную судимость.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Божьев, В. П. Уголовно-правовые и процессуальные правоотношения / В. П. Божьев, Е. А. Фролов // Советское государство и право. – 1974. – № 1. – С. 88–90.
2. В Китае судимость пожизненная – сообщила китайский профессор студентам СФУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.press-line.ru/news/2011/09/v-kitae-sudimost-pozhiznennaya-soobshhila-kitayskiy-professor-studentam-sfu>.
3. Карпушин, М. П. Уголовная ответственность и состав преступления / М. П. Карпушин, В. И. Курляндский. – М. : Юрид. лит., 1974. – 232 с.
4. Мальцев, В. В. Введение в уголовное право / В. В. Мальцев. – Волгоград : БЮИ МВД России, 2000. – 204 с.

5. Прохоров, В. С. Преступление и ответственность / В. С. Прохоров. – Л. : ЛГУ, 1984. – 136 с.

6. По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 [Электронный ресурс] : постановление Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан от 19 марта 2003 № 3-П // Российская газета. – 2003. – 2 апреля, № 61. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_41474/.

7. По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», ч. 1 ст. 10 и ч. 6 ст. 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Б. Егорова, А. Л. Казакова, И. Ю. Кравцова, А. В. Куприянова, А. С. Латыпова и В. Ю. Синькова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 октября 2013 г. № 20-П // Российская газета – Федеральный выпуск. – 2013. – 23 октября, № 6214.

8. Разгильдиев, Б. Т. Уголовно-правовые отношения и реализация ими задач уголовного права Российской Федерации / Б. Т. Разгильдиев ; под ред. Н. И. Матузова. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1995. – 320 с.

9. Санталов, А. И. Теоретические вопросы уголовной ответственности / А. И. Санталов. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1982. – 96 с.

10. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности пункта 13 ч. 1 ст. 83, абзаца третьего ч. 2 ст. 331 и ст. 351-1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В. К. Барабаш, А. Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы № 19-П от 18 июля 2013 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – 29 июля, № 30 (часть II). – Ст. 4189.

11. Погашение судимости откроет чистую страницу в жизни несовершеннолетних в Китае [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.cri.cn/841/2009/09/19/1s307370.htm>

12. Tannenbaum, F. Crime and the Community / F. Tannenbaum. – New York ; London : Columbia University Press, 1963. – 487 p.

REFERENCES

1. Bozh'ev V.P., Frolov E. A. Ugolovno-pravovye i protsessual'nye pravootnosheniya [Legal crime and procedural Relationship]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1974, no. 1, p. 88–90.
2. *Crime records in China are lifelong – the Chinese professor told SFU students*. Available at: <http://www.press-line.ru/news/2011/09/v-kitae-sudimost-pozhiznennaya-soobshhila-kitayskiy-professor-studentam-sfu> (accessed 1 March 2018). (In Russian).
3. Karpushin M.P., Kurlyandskii V.I. *Ugolovnaya otvetstvennost' i sostav prestupleniya* [Crime responsibility and corpus delicti]. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ., 1974. 232 p.
4. Mal'tsev V.V. *Vvedenie v ugovnoe pravo* [Introduction to the Criminal Law]. Volgograd: Higher Law Inst. of the Ministry of Foreign Affairs of Russia Publ., 2000. 204 p.
5. Prokhorov V.S. *Prestuplenie i otvetstvennost'* [Crime and responsibility]. Leningrad: Leningrad St. Univ. Publ., 1984. 136 p.
6. In the case on the verification of the constitutionality of the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation regulating the legal consequences of a person's conviction, repeated and recidivist crimes, and paragraphs 1-8: decree of the State Duma of May 26, 2000 «On declaring an amnesty in connection with The 55th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War of 1941-1945» in connection with the request of the Ostankino intermunicipal (district) court of the city of Moscow and the complaints of a number of citizens dated 2003, March 19, no. 3-P. *Rossiiskaya gazeta*, 2003, April 02, no. 61. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_41474/ (accessed 01 March 2018). (In Russian).
7. In the case on the verification of the constitutionality of subparagraph «a» of paragraph 3.2 of Article 4 of the Federal Law «On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in the Referendum of Citizens of the Russian Federation», Part 1 of Art. 10 and part 6 of Art. 86 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with complaints of citizens GB Egorov, AL Kazakov, I.Yu. Kravtsov, A.V. Kupriyanov, A.S. Latypov and V. Yu. Sinkov: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 2013, October 10, no. 20-P. *Rossiiskaya gazeta – Federal'nyi vypusk*, 2013, October 23, no. 6214 (238). (In Russian).
8. Razgil'diev B.T. *Ugolovno-pravovye otnosheniya i realizatsiya imi zadach ugovnogo prava RF* [Legal crime Relationship and implementation of the objectives of Crime law]. Saratov: Saratov St. Univ. Publ., 1995. 320 p.
9. Santalov A.I. *Teoreticheskie voprosy ugovnoi otvetstvennosti* [Theoretical issues of crime responsibility]. Leningrad: Leningrad St. Univ. Publ., 1982. 96 p.

10. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation in the case on verification of constitutionality of Clause 13 Part 1 of Art. 83, the third paragraph of Part 2 of art. 331 and art. 351-1 of the Labor Code of the Russian Federation in connection with the complaints of citizens VK Barabash, AN Bekasov and others and the request of the Murmansk Regional Duma of 2013, July 18, no. 19-P. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2013, July 29, no. 30 (Part II), art. 4189. (In Russian).

11. *Expunging a conviction can will open y new page in juvenile offender's life in China*. Available at: <http://russian.cri.cn/841/2009/09/19/1s307370.htm> (accessed 01 March 2018). (In Russian).

12. Tannenbaum F. *Crime and the Community*. New York; London: Columbia University Press, 1963. 487 p.